

УДК 930.85

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «РОССИЯ В СРЕДОКРЕСТИИ ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН (ОПЫТ СИНТЕТИЧЕСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА)»

Парфентьева Наталья Владимировна**Парфентьев Николай Павлович**

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Костяева Екатерина Сергеевна

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Безрукова Любовь Викторовна

Средняя школа №78 г.Красноярска, Красноярск, Россия

Аннотация. Авторы предлагаемой рецензии подробно рассматривают монографию А.В. Иванова, Ю.В. Попкова, И.В. Фотиевой, Т.А. Артамоновой и М.Ю. Шишина под названием «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)»: Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с., в том числе артикулируют ключевые идеи текста, маркируют их актуальность с точки зрения применимости выдвинутых в исследовании тезисов к современному российскому обществу в условиях глобальных вызовов и процессов, а также экспонируют роль России, согласно описания в монографии, на международной арене, исходя из современных геополитических реалий, хронологических процессов и формирования национальной ментальности в историческом контексте. В рецензии авторы поглавно разбирают представленный в монографии материал, охватывающий такие вопросы, как мегацивилизационная синхрония и диахрония, ритмы мировой истории, меридиональные цивилизационные коридоры, широтные цивилизационные коридоры России, «русское западничество» и его специфика, концептуализация понятия «Русский мир» и рассмотрение его аспектов, роль России на международной арене и национальное самосознание, рассмотрение возможности и перспективы возвращения к Советам, а также роль нестяжательства для отечественной культуры и вопрос целесообразности внедрения его постулатов в уклад современной России.

Ключевые слова: Россия, цивилизационный подход, мегацивилизации, Запад, Восток, меридиональный мост, цивилизационный коридор, евразийство

Для цитирования: Парфентьева, Н. В., Парфентьев, Н. П. и др. Рецензия на монографию «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)» [Текст] / Н. В. Парфентьева, Н. П. Парфентьев, Е. С. Костяева, Л. В. Безрукова // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2025. – Т. 4. – № 3. – С. 87-99.

REVIEW OF THE MONOGRAPH «RUSSIA IN THE ENVIRONMENT OF SPACE AND TIME (THE EXPERIENCE OF A SYNTHETIC CIVILIZATIONAL APPROACH) »

Parfent'eva Natal'ya Vladimirovna**Parfent'ev Nikolaj Pavlovich**

Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet, Chelyabinsk, Rossiya

Kostyaeva Ekaterina Sergeevna

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Bezrukova Lyubov' Viktorovna

Srednyaya shkola №78 g.Krasnoyarska, Krasnoyarsk, Rossiya

Abstract. The authors of the proposed review consider in detail the monograph by A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, I.V. Fotieva, T.A. Artamonova and M.Y. Shishin entitled "Russia in the environment of space and time (experience of a synthetic civilizational approach)": Barnaul: New Format, 2025. - 303 p., including articulating the key ideas of the text, marking their relevance from

the point of view of the applicability of the theses put forward in the study to modern Russian society in the context of global challenges and processes, and also exposing the role of Russia, according to the description in the monograph, in the international arena, based on modern geopolitical realities, chronological processes and the formation of national mentalities in a historical context. Russian Russian Westernism and its specifics, conceptualization of the concept of the "Russian World" and consideration of its aspects, the role of Russia in the international arena and national identity, as well as the megacivilizational synchrony and diachrony, rhythms of world history, meridional civilization corridors, latitudinal civilization corridors of Russia, the authors review the material presented in the monograph, covering such issues as the role of Russia in the international arena and national identity. considering the possibility and prospects of returning to the Soviets, as well as the role of non-possessiveness for Russian culture and the question of the expediency of introducing its postulates into the way of modern Russia.

Keywords: Russia, civilizational approach, megacivilizations, West, East, meridian bridge, civilization corridor, Eurasianism

For citation: Parfent'eva, N., Parfent'ev N., Kostyaeva E. S., Bezrukova L., (2025). Friedrich Nietzsche's philosophy of culture as a conceptual and methodological basis for analyzing the movie «Drive my car» directed by Ryusuke Hamaguchi. Siberian Art History Journal, 4(3), 87-99.

Введение

Актуальность проблем, поднятых в книге «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)» заключается в том, что, продолжая серию исследований, посвященных цивилизационной роли России, например, в монографии «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» авторы обращаются к ключевым вызовам современности как для самой страны, так и для человечества в глобальном смысле, через призму глубинного цивилизационного анализа (Ivanov, Popkov, Fotieva, and others, 2022). Они рассматривают Россию не только как территорию или политическое образование, но как уникальное цивилизационное пространство, находящееся в «средокрестии», представляющем точку пересечения пространственных и временных линий истории, культуры и духовной жизни, что придаёт книге и её идеям исключительную значимость. Духовность России в историческом контексте рассматривалась

также и в монографии С.В. Перевезенцева «Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии», где анализировались такие разделы, как, например, идейные истоки русской мысли, духовно-политическая мысль и предпосылки ее формирования, трансформация духовно-политических учений в различных культурно-временных промежутках (Perevezentsev, 2019). Актуальность рассмотрения данной проблематики подчеркивается многими современными исследователями, что обусловлено геополитическим напряжением на границах постсоветских государств (Karkanshchikov, 2025), ростом конфликтности на мировой арене (Obertyaeva, Mukhina, 2024), необходимостью сохранения традиционных ценностей и защиты исторической правды (Churakov, 2023). Примечательно, что в условиях усиливающегося геополитического напряжения, цивилизационных конфликтов и роста идеологических антагонизмов, книга предлагает концепцию России как «духовного моста», медиатора, способного синтезировать оптимальное

направление развития. Это видение противостоит как западному универсализму, так и изоляционистскому национализму, предлагая путь к диалогу и созидательной соборности. Актуальность книги повышается и на фоне нарастающих кризисов глобальной техносферной цивилизации – экологического и ценностно-антропологического. В этом контексте предложенная авторами перспектива перехода к ноосферному укладу, основанному на духе, нравственности, нестяжательстве и соразмерности с природой, звучит как возможная альтернатива технократическому пути развития. Это имеет значение не только для России, но и для всего человечества. Обращение к понятию «Русский мир» как культурно-цивилизационной, а не политической категории, отвечает на острые вызовы современности, связанные с национальной идентичностью, культурным наследием и интеграцией представителей постсоветского пространства. Авторы в своей работе предлагают понимание «Русского мира» не как абстрактной идеологемы или инструмента влияния, но как духовной миссии, способной объединять народы на основе совместных ценностей и исторической памяти. Авторами монографии был использован синтетический подход, соединяющий философию, геополитику, культурологию, антропологию и духовные традиции, что соответствует запросу современного читателя на «целостное мышление», выходящее за рамки узкоспециализированных дисциплин. Это делает книгу значимым вкладом в осмысление будущего не только России, но и мира в целом.

Соответственно, проблемы, которые были подняты авторами в работе «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)», актуальны, поскольку они касаются судьбы цивилизаций в переломный исторический момент, предлагают альтернативные пути развития,

опирающиеся на духовные и культурные основания.

Обсуждение результатов

Первая глава «Мегацивилизационная синхрония» (автор – Иванов А.В., С. 11-59) погружает читателя в концептуальное основание всего труда – синхронный срез цивилизационного пространства, в котором авторы предлагают нестандартный и масштабный взгляд на структуру человеческой истории и географии. Речь в данном случае идет не о политических союзах или границах государств, а о великих культурно-исторических мирах – мегацивилизациях, чьи линии тянутся сквозь века и континенты. Именно в этом контексте Россия рассматривается как цивилизационное явление, пребывающее не на периферии, а в узловой точке глобальной истории.

В главе автором выделяются три такие мегацивилизации: Западная, Восточная и Североевразийская. Запад олицетворяет индивидуализм, техносферность, экспансионизм и потребительский рационализм. Восток, согласно заключению автора, представляет собой носителя великих духовных традиций, цикличности и метафизической стабильности. Россия же находится не «между», а «через»: это проводник, узел, сочетающий, трансформирующий и перевоплощающий энергии Востока и Запада в собственную, самостоятельную мегацивилизацию, которая поименована Северной Евразией. Такой взгляд уводит нас от привычной геополитической риторики в более глубокую сферу цивилизационной метафизики. Россия, расположенная в самом центре Евразии, вобрала в себя разнообразнейшие этносы, языки, верования, хозяйственные уклады, однако при этом не растворившись, напротив, сформировав уникальную цивилизационную матрицу, выдержавшую столетия исторических потрясений. Отдельное внимание в главе, а именно, во втором параграфе «Мегацивилизационные фронтиры» (С. 18-29), уделяется

пограничьям – фронтам, где пересекаются мегацивилизации. Эти зоны являются не только и не столько линиями соприкосновения, сколько аренами острейших исторических динамизмов: конфликтов, синтезов, революционных переходов. Авторы описывают Прибалтику, Малую Азию и Ближний Восток как примеры таких «вечно пылающих» пространств. Особенно примечательна характеристика российско-западного пограничья, в котором происходит сцепление культур, религий и исторических мифов, где и в нынешнее время разворачиваются драматические события. В противоположность западному отношению к границе как к разделению, российская традиция представлена жизнью на границе, бытием в напряженной точке между своими и чужими, где формируется не только идентичность, но и героизм. Например, образ казака, вечно стоящего на страже, становится здесь символом культурной центральности пограничья. Через такую призму анализируются фронтиры не как барьеры, но как мосты.

Немаловажным элементом синхронного анализа становятся горные узлы – географические и одновременно сакральные точки, места, где встречаются и сталкиваются цивилизационные векторы. Кавказ, Алтай, Гималаи, по мнению авторов, это не просто возвышенности на карте, а духовно-культурные перекрестки, придающие рельеф смыслу истории. Алтай, например, предстает как архетипическая точка начала, сакральный источник жизненной энергии целой цивилизационной зоны. Авторы справедливо отмечают, что именно в горных регионах сохраняются архаичные формы верований, особенный уклад и этническая пестрота, ушедшая с равнин. Следующий пласт анализа, важный для рассмотрения, это цивилизационные коридоры. В этом ключе рассматриваются Волга как артерия между Русью и исламским миром, а также культурно-паломнические маршруты от Байкала к Тибету. Коридоры в данном контексте

представляют собой символ сопряжения, взаимодействия, органической связанности народов. Важное место занимает и анализ религиозных и этнокультурных общностей, формирующих ткань мегацивилизаций. Россия здесь изображена как пространство многоукладности и многоязычия, где, например, православие в ней живет рядом с исламом, буддизмом, шаманизмом и иными верованиями. Причём, как подчеркивают авторы, данное сосуществование является ценностно-осмысленным в противовес механическому, что означает, нацеленность на внутреннюю сознательную соборность.

В книге также рассматриваются имперские структуры как формы цивилизационной организации. Империя, в российской традиции, не эквивалентна экспансии, принудительной колонизации или насилию. Напротив, это способ собрать в одном пространстве множество этносов, предоставить им покровительство и защитить их права и возможности для культурного развития. Соборность, нестяжательство, духовная власть традиционно являлись принципами, противоположными современному корпоративному глобализму, идеологи которого стремятся унифицировать способ существования разных народов под единый, установленный гегемоном, стандарт. Россия, в этом смысле, может рассматриваться как модель цивилизационного устройства, противопоставленного западной системе «разделяй и властвуй», где идея объединения, озвучиваемая публично, является лишь способом создать образ благодетели для тех, кто сопротивляется происходящим в мире процессам. В заключительной части главы поднимается вопрос о некоторых опасностях национального самосознания, которое может и быть спасительным в определенных случаях, но также и разрушительным в других. Авторы предостерегают как от западнического подражательства, так и от

изоляционистского национализма. Настоящее российское сознание, по их мнению, должно основываться на глубоком понимании соборного, многообразного, духовного характера своей истории – только так Россия сможет сыграть ту роль, которую ей отвела история: стать духовным мостом между Западом и Востоком.

Вторая глава под названием «Мегацивилизационная диахрония и ее основные законы» (авторы: А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишкин, С. 63-121) переносит читателя из сферы пространственного анализа в глубины исторического времени. Здесь авторы предпринимают смелую и масштабную попытку заглянуть в самую ткань истории, понять и как человечество развивалось, и зачем, куда и по каким законам движется в настоящем. Эта глава наполнена духом философской интуиции, стремящейся постичь не события, но смыслы, внутренний ритм мирового бытия. В основе анализа лежит ключевая идея о том, что история человечества подчинена определённому глубинному закону, где история представляет собой живой поток духа, имеющий направление, энергию и цель. И если в первой главе акцент ставился на географии цивилизаций, то теперь речь идёт о хронологической логике, о цивилизационных укладах, сменяющих друг друга как эпохи взросления человечества. Авторы вводят мощную и образную концепцию трёх исторических укладов: биосферного, техносферного и ноосферного. Первый из них – это уклад Востока, мира традиций, ритуалов, мудрой цикличности, это уклад, где человек мыслится как часть природы, а смысл жизни состоит в гармонии, созерцании, в обретении внутреннего равновесия. Восток, как показывает авторский анализ, дал человечеству то, без чего не выжить: укоренённость, дух, религиозную глубину. Однако в этой стабильности скрыта и инерция, что есть отрешённость от внешнего действия, уход в вневременность. Этой инерции бросает вызов техносферный

уклад Запада. Он взрывает циклы, разрушает традиции, ставит во главу угла прогресс, волю и знание. Западный мир в данном контексте можно представить как мир, в котором происходит восстание человека против природы, это утверждение своего «я» через техническое преобразование мира. Вместе с покорённой природой теряется связь с жизнью как целым, с естественным и гармоничным проявлением жизни, вследствие чего разрушается экосистема, истончается душа. Цивилизация, построенная на потреблении, начинает поедать сама себя. Историческое положение России – между Востоком и Западом, где она живет не как территория компромисса, а как зона вызревания третьего уклада – ноосферного. Россия испытала на себе оба предыдущих импульса: в её истории живёт и восточная тягучесть, и западная динамизм. Однако она нигде не довела эти импульсы до предела, сохранив возможность нового синтеза. И именно в этом авторы видят уникальное предназначение России стать пространством духовно-экологической цивилизации, где техника является лишь инструментом, служащим человеку; где человек воспринимает природу, как священное целое, а не просто ресурс; где личность раскрывается в творчестве в противовес враждебной конкуренции. Очевидно, что считать ноосферу гарантированным будущим было бы фатальной ошибкой, поскольку она является вызовом, и чтобы войти в неё, человечество должно не просто перейти, например, на «зелёную энергетику» или цифровое управление, а коренным образом переосмыслить собственную природу. Согласно взглядам авторов главы, человечеству необходима духовная революция, отказ от утилитарной картины мира, преодоление эгоизма в пользу солидарности, потребления – в пользу служения. И здесь снова возникает могучая фигура России, страны, прошедшей через страдания, расколы, потрясения, но сохранившей в глубинных слоях культуры архетипы соборности, нестяжательства,

коллективного духовного усилия. Авторы формулируют своеобразные «законы истории», но не в духе марксистского детерминизма, а как нравственные векторы, игнорирование которых неизбежно приводит к катастрофам. История вознаграждает не самые сильные империи, а те, кто ищет правду. Она не терпит забвения высших смыслов, и потому государства, утратившие душу, обрекаются на распад.

Третья глава «Меридиональные цивилизационные коридоры России в Евразии» (С. 139-161, авторы: А.В. Иванов, Ю.В. Попков) переносит внимание читателя из философско-временного измерения ко вполне осязаемому пространству – к «меридиональным цивилизационным коридорам» (Ivanov, 2024) России в Евразии. Эта глава как будто бы поворачивает глобус вертикально, чтобы показать, как Север и Юг исторически переплетались в теле Евразии именно благодаря России. Речь идёт о судьбоносных векторах движения культуры, религии, торговли и человеческого духа, которые веками пересекали Евразийский континент по оси Север – Юг. Авторы подчёркивают, что привычная оптика «широтных» связей – от Атлантики к Тихому океану, от Европы к Азии – хотя и доминирует в массовом сознании, не исчерпывает всей глубины исторического взаимодействия цивилизаций. Вертикальные – меридиональные связи оказываются не менее важными, поскольку они не только соединяли Северную и Южную Евразию, но и позволяли России выступать медиатором-посредником между мирами, казавшимися несоединимыми, что является уникальной особенностью геоисторического положения страны, превращающая её во «вставку» между субконтинентами и цивилизационными полюсами. Понятие «цивилизационного коридора» здесь приобретает сложный, многослойный смысл. Это не просто транспортный путь или линия обмена товарами – это структура, в которой

соединяются природные, культурные и духовные параметры. Цивилизационные коридоры, описанные в главе, не только доставляли грузы, но и распространяли религии, идеи, традиции, создавали новые этнокультурные идентичности. Через них формировалась не только география, но и душа российского пространства. Первым проанализированным вектором стал Днепровско-Черноморский путь (параграф 2), известный как «путь из варяг в греки». данный путь соединял варяжский север и византийский юг, делая Русь частью большой христианской цивилизации. Этот путь был не просто каналом торговли, он стал «купелью» русской государственности. Можно справедливо утверждать, что путь «из варяг в греки» – это своего рода духовная артерия, питающая культурную матрицу Восточной Европы. Далее, в параграфе 3 авторы рассматривают Волжско-Каспийский коридор, связывавший Русь с исламским Востоком, Ираном, Индией (Ivanov, 2024: 149-154). Волга выступает здесь не как граница, а как мост между цивилизациями. По этой артерии текли как товары, так и идеи, в том числе исламские философские, художественные и юридические концепции, оказавшие влияние на народности Поволжья. Россия в этом контексте предстает как зона диалога между христианским и исламским мирами, без однозначного доминирования одного над другим. Третьим направлением (параграф 4: «Культурно-паломнический коридор Бурятия – Монголия – Тибет», С. 154-161) становится паломнический и культурно-духовный коридор Бурятия – Монголия – Тибет, который соединяет буддийские и шаманские традиции Центральной Азии, восходящие к тысячелетней духовной культуре Тибета. Эта линия показывает, что Россия включена не только в христианскую и мусульманскую, но и в буддийскую цивилизационную сферу. В этом случае речь идёт не о господстве, а о бережном восприятии иной религиозной традиции, о той самой «всемирной отзывчивости»,

которую Ф.М. Достоевский видел как сущность русского духа (Кукуева, 2011). Четвёртым направлением авторы называют Великий меридиональный мост «Алтай – Гималаи». Здесь природа и история сливаются в единое сакральное пространство: горы, как осевые столбы мира, становятся и физическими, и духовными рубежами. Алтай и Гималаи соединяются не только через географию, но через символику, традиции, образ жизни народов. Этот путь указывает на глубинные связи России с Индией, Тибетом, и через них – с древнейшими пластами человеческой духовности. Алтай в этом контексте воспринимается как «сердце Азии», как живое хранилище культурного и духовного резонанса народов.

Отдельное внимание уделяется идее о том, что цивилизационные коридоры – это не только прошлое, но и будущее. Авторы справедливо утверждают; в эпоху глобального кризиса, когда мир распадается на обособленные фрагменты, восстановление и осознание этих коридоров – путь к интеграции и исцелению, поскольку личность – это живой проводник истории, источник воли, миссии и подвига. От древних летописцев и князей до современных инженеров и просветителей, именно личность задаёт импульс движению цивилизационного потока. И если Россия хочет остаться живым участником мировой истории, она должна взрастить новое поколение таких личностей – культурных медиаторов, духовных мостостроителей.

Четвёртая глава «Широтные цивилизационные коридоры России. Арктический коридор» (С. 174-199) посвящена анализу широтных цивилизационных коридоров России, с особым акцентом на Арктический коридор. В отличие от предыдущей главы, обращённой к меридиональной оси «Север-Юг», здесь акцент перемещается на горизонтальные связи, протянувшиеся через всю Евразию с Востока на Запад. Понимание этих широтных путей имеет ключевое значение для осознания как

исторического предназначения России, так и её возможного будущего в стремительно меняющемся мире. Глава открывается напоминанием о трех широтных коридорах, имеющих стратегическое значение: пространстве Великой степи (включающем северные маршруты Великого шелкового пути), Транссибирской магистрали и Арктическом (Северном морском) пути. Эти три линии формируют своеобразный пояс, охватывающий территорию России с юга, центра и крайнего севера. Каждый из них обладает своей логикой, историей и перспективой. Пояс Великой степи – это древнейший из них, являвшийся ареной многовековой торговли и войн. От восточных отрогов Хингана до западной Трансильвании он связывал Китай с Европой, формируя пространство, насыщенное этническим, культурным и геополитическим напряжением. Здесь проходили орды скифов, гуннов, тюрок, хазар, монголов. Несмотря на богатую культурную интеракцию, авторы подчёркивают, что эти связи были скорее профанными, так как ключевым мотивом была выгода, а не духовный обмен. Это пространство чаще служило ареной для конфликта, чем для сотворчества.

Следующий коридор – Транссиб представлен как инженерно-цивилизационный подвиг, воплощение русского стремления скрепить континентальное пространство в единое целое. Это не только транспортная артерия, но и культурный нерв, проходящий через множество этнических и климатических зон. Он зародился в недрах Российской Империи, был усилен советским индустриализмом и сегодня остаётся одним из немногих символов российской соборности на огромной территории Сибири. Однако авторы обращают внимание на тревожную тенденцию: продолжающийся отток населения из Сибири на запад страны угрожает разрывом этих широтных связей. Без активной государственной поддержки этот коридор может превратиться в пустующее

пространство. Наибольшую глубину и философское значение авторы вкладывают в обсуждение Арктического коридора. Север здесь предстает не как безжизненное «ничто», а как новый цивилизационный шанс России. Обращение к Арктике имеет как исторические, так и духовные основания. Уже в XVIII веке лейтенант Д. Л. Овцын проложил путь по рекам Обь и Иртыш к Ледовитому океану, открыв «северные врата» России в океан. Эти маршруты воспринимаются авторами не только как транспортные, но как предчувствие новой роли России в мире – роли арктического цивилизационного медиатора. Сегодня, в эпоху климатических изменений и нарастающего интереса к Северному морскому пути, значение Арктики резко возрастает. Это не просто коридор, это будущая ось глобальной логистики, соединяющая Азию с Европой в обход традиционных маршрутов. В условиях кризиса техногенной цивилизации именно Арктика может стать пространством духовной и экологической трансформации. Основная идея четвертой главы состоит в необходимости осознанного и ответственного освоения арктического пространства. Здесь важна не только государственная политика, но и личностный фактор. Как и в случае с меридиональными коридорами, исторические сдвиги здесь невозможны без людей-первопроходцев: философов, инженеров, деятелей искусства, одним словом, пассионарных личностей (Gumilyov, 2016). Арктика требует не только логистики, но и новой культуры. В этом смысле она становится зеркалом, в котором Россия может увидеть как свои высшие интенции, так и пределы собственной воли.

Пятая глава «Два лика «русского западничества» (С. 202-218, автор: А.В. Иванов) представляет собой глубокое размышление о феномене русского западничества – сложного, многоликого и, подчас, противоречивого явления, сыгравшего ключевую роль в исторической

и духовной судьбе России. На первый взгляд, речь идет о мировоззренческом выборе между Востоком и Западом, но на деле авторы предлагают читателю намного более тщательный анализ, раскрывающий внутреннюю драму русской идентичности, стоящей перед вызовом цивилизационного выбора. В основе главы лежит тезис о существовании двух принципиально различных ликов западничества в России: деструктивный, «смердяковский», лишённый любви к родной культуре, склонный к безоглядному преклонению перед Западом в противовес творческому и диалогичному, стремящемуся к осмысленному заимствованию лучших достижений западной цивилизации с целью обогащения отечественного опыта. Эти два полюса не просто идейные установки, за ними стоят целые антропологические типы, разная этика, разные способы проживания национальной судьбы.

Авторы показывают, что истоки западничества уходят в эпоху Просвещения, когда российская элита, очарованная блеском Франции, усвоила не только французскую моду, но и мировоззрение. Это подражание «просвещенной Европе», по выражению Грибоедова, зачастую оборачивалось «рабским, слепым подражанием». Особенно ярко это проявилось в литературе, где образы «русских французов» высмеивались как карикатуры на потерявших корни интеллигентов. Однако с течением времени западничество в России претерпело эволюцию. Во времена Николая I утвердилось так называемое «пруско-имперское» западничество, выраженное в подражании немецкому порядку и бюрократии, прикрывавшееся идеологией «православие, самодержавие, народность» (Vinogradov, 2001). Эта форма была чужда как либералам, так и почвенникам, то есть всем тем, кто пытался искать свой путь, не копируя слепо чужие образцы. В XIX веке западничество приобрело более сложную структуру. Его представителями стали как умеренные либералы, как И.А. Тургенев,

так и радикальные революционные демократы, как А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Интересно, что идеологическая полемика между западниками и славянофилами тогда находила своё выражение не только в философских трактатах, но и в художественной литературе. Конфликт между И.С. Тургеневым и Ф.М. Достоевским стал символом двух непримиримых духовных ориентаций: одна стремилась к усвоению европейского опыта, другая, напротив, к самобытному русскому пути.

Тем не менее, авторы подчёркивают, что даже западники XIX века сохраняли чувство принадлежности к России и, как правило, не теряли уважения к её культуре. В XX веке ситуация изменилась. Постепенно происходит вырождение западничества, можно заметить, что оно приобретает всё более агрессивные, русофобские черты. Этот сдвиг особенно усиливается в постперестроечную эпоху, когда западнический дискурс наполняется комплексами неполноценности, презрением к народу, слепым преклонением перед Западом как «единственно возможной цивилизацией». Эта разновидность западничества и получает у авторов название «смердяковщины», по имени персонажа Достоевского, воплощения моральной деградации и ненависти к своему народу (Sushchenko, 2015). Однако наряду с этим западничеством существует и другой его лик. Это творческое западничество, которому свойственна не ненависть к России, а любовь к культуре в целом. Это стремление к диалогу, к взаимному обогащению. Именно его представители пытаются взять от Запада лучшее, например, научные достижения, институты, формы организации общества с целью органичного включения их в отечественную культурную и ментальную ткань. Здесь речь идет о заимствовании как культурном сотворчестве. На этом фоне особенно остро звучит мысль о том, что многие «западнические» идеи,

механически перенесенные в российскую почву, зачастую не приживаются или трансформируются до неузнаваемости. Парламентаризм, социализм, рыночная экономика, успешно работающие на Западе, в России либо приводили к нежелательным последствиям, либо оборачивались своей противоположностью. Это наблюдение подкрепляет идею о необходимости глубокой цивилизационной рефлексии, отказа от бездумного копирования и перехода к критическому мышлению. Авторы утверждают: в условиях глобального кризиса западной модели, когда техногенно-потребительский уклад исчерпал себя, России необходимо выбрать, стоит ли ей либо окончательно раствориться в уходящей мегацивилизации Запада, либо осознать свою особую миссию. Для этого нужно преодолеть не только внешнюю зависимость, но и внутреннюю: ментальную, культурную, антропологическую. Освободиться от «смердяковщины», но не отречься от Европы как источника великих культурных достижений, сделав шаг к равноправному диалогу цивилизаций.

Шестая глава под заголовком «Русский мир, Россия и Северная Евразия» (С. 220-230, авторы: А.В. Иванов, Т.А. Артамонова) посвящена осмыслению текущего этапа национального самосознания России и анализу понятия «Русский мир» как сложного, многогранного и в определённых интерпретациях соблазнительного концепта. Авторы стремятся не только описать эволюцию этого термина, но и предостеречь от его некритичного расширительного понимания, способного привести к политическим и культурным искажениям. Глава начинается с утверждения: современная Россия вступила в новый этап национального самосознания. Эта трансформация стала особенно очевидной в свете геополитических потрясений последнего десятилетия: событий на Украине, разрыва с Западом, а также общего цивилизационного кризиса,

охватившего техногенно-потребительский уклад (Ivanov, 2024: 220). Авторы подчёркивают, что речь идёт не о банальном усилении патриотической риторики, а о глубинном сдвиге в самоощущении страны как цивилизационного субъекта, который не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку, но является самостоятельной силой в историческом пространстве Старого Света. В XX веке Россия дважды попадала в ловушку идеологий, игнорировавших её культурно-историческую специфику: сначала в виде утопического социализма, затем в либерально-прозападной «перестройке». На этом фоне понятие «Русский мир» приобретает особую актуальность. Авторы объясняют, что «Русский мир» в своем первоначальном значении не был политической доктриной или геополитическим лозунгом. Это, прежде всего, культурно-цивилизационное понятие, восходящее к работам таких мыслителей, как В.О. Ключевский и П.Н. Савицкий. В этом контексте «Русский мир» означает культурное пространство, сформированное на основе православных ценностей, языка, образа жизни, которое способно объединять различные народы в рамках единой цивилизационной модели – той самой, что исторически воплотилась в Российской империи и в СССР.

Однако в современности, как подчёркивают авторы, существует опасность, выражающийся в соблазне расширительного толкования этого понятия. Под лозунгом «Русского мира» могут скрываться идеологические претензии на политическое доминирование, принудительное объединение или даже культурную ассимиляцию. Это превращает изначально культурный термин в инструмент геополитического давления. Такое понимание не только искажает идею, но и способно спровоцировать конфликты, в том числе среди тех народов и стран, которые исторически входили в орбиту русского цивилизационного влияния. Авторы утверждают: если «Русский мир»

теряет свои духовные и гуманитарные основания, он превращается в карикатуру на самого себя. Истинный «Русский мир» не может строиться на идее превосходства, он предполагает уважение к разнообразию народов, принявших участие в формировании российской цивилизации от славян до тюрков, от угро-финнов до монголов. И именно в этом многообразии и заключается его уникальность. Большое внимание уделено и тому, как «Русский мир» существует в пространстве Северной Евразии. Авторы отмечают, что наряду с русским этнокультурным ядром в российскую цивилизацию органично входят субцивилизации и культурные миры других народов этого региона. И, как подчёркивается, признание и равноправное сосуществование этих миров – это основа силы, устойчивости и исторической миссии России как соборной цивилизации.

Седьмая глава «Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость?» (С. 236-255, автор: А.В. Иванов) представляет собой философско-политическое размышление о возможных формах будущей демократии в условиях ноосферного уклада и цивилизационного сдвига в сторону Северной Евразии. А.В. Иванов поднимает вопрос о том, возможно ли в обозримом будущем возвращение к принципам советской власти как к более подлинному воплощению идеи народного самоуправления? Начинается глава с критического анализа современного института политических партий, особенно в российском контексте. Подчёркивается, что в условиях экстремальных кризисов партии оказываются практически бесполезными, уступая место трем основным субъектам истории: государственной власти, армии и народу. Это триединство, на котором базировалась победа в Великой Отечественной войне, вновь актуализируется. В такие времена народ склонен доверять прямым формам самоуправления, минуя партийных посредников и идеологические фильтры. В тексте особо акцентируется внимание на том, что западная модель парламентаризма,

основанная на соперничестве партий, плохо приживается на российской почве. Исторически, начиная с Древней Руси и заканчивая земствами и Советами, в России преобладала форма территориально-корпоративного представительства. Эта модель более органично соответствует цивилизационным традициям страны и отвечает её культурно-историческим кодам. Здесь же вводится ключевой тезис главы: политические партии: институт чуждый российской политической культуре, по сути, механически заимствованный с Запада, и не способный решить задачи общественного единения. Особенно очевидно это становится в периоды кризисов: ни одна партия не может сыграть решающую роль в мобилизации народа, как это делают спонтанно возникающие формы самоорганизации, не обременённые идеологическим багажом и политическим торгом. На смену этому автор предлагает вернуться к принципам территориально-корпоративной демократии, которая уже имела место в истории в виде Советов, особенно в их первоначальной, «ленинской» редакции до их подчинения партийной диктатуре. Возвращение к Советам не означает механическое воспроизведение советской модели, где законодательная и исполнительная власть были объединены, а решения принимались вертикально. Речь идёт о новом этапе развития этой формы с учётом ошибок прошлого и современного уровня коммуникационных и институциональных возможностей. Идея будущих Советов рисуется как альтернатива не только западному либерализму, но и бюрократическому авторитаризму. Они должны стать площадками для реального народного представительства, где ключевыми станут не партийные интересы, а общинные, профессиональные, региональные и культурные сообщества. В этом смысле Советы выступают не просто как форма управления, но как государственная форма жизни народа, способная аккумулировать его волю и

смысловые ориентации. Авторы делают важное уточнение: речь не идёт о возврате к диктатуре одной партии или идеологическому контролю. Новые Советы не должны быть инструментом власти, а должны выполнять функцию выражения подлинной народной воли, быть «совестью» государства. Для этого необходим длительный переходный период, воспитание нового политического поколения и обновление принципов политического мышления. В финале главы проводится параллель с идеей Союза Народов, предложенной Н.Н. Алексеевым (Ivanov, 2024: 257). Эта идея заключается в построении наднационального сообщества на основе общих гуманистических и духовных ценностей. Возвращение к Советам, согласно авторам, становится не ретроспективным шагом к созданию новой формы народовластия, которая могла бы стать основой будущего глобального общежития. Советская форма здесь превращается в архетип: символ справедливости, солидарности и созидательной альтернативы западному индивидуализму и рыночной анархии.

Восьмая и заключительная глава «Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры» (С. 258-276, авторы: А.В. Иванов, И.В. Фотиева) подводит своеобразный духовно-ценностный итог всему исследованию, рассматривая мировоззренческую и культурную оппозицию, которая, по мнению авторов, определяет судьбу России на протяжении всей её истории. Речь идёт о противостоянии нестяжательства и иосифлянства – двух форм православного социального мышления, возникших ещё в XV–XVI веках, но продолжающих определять цивилизационные установки российской государственности и общественной морали. Авторы обращаются к ключевому моменту русской истории: спору между нестяжателями, вдохновляемыми преподобным Нилом Сорским, и иосифлянами, возглавляемыми Иосифом Волоцким. Нестяжатели проповедовали аскетизм, отказ от

церковного землевладения, внутреннюю свободу и созерцательную духовность. Их мировоззрение было нацелено на трансцендентные ценности и личностное нравственное совершенствование. Иосифляне, напротив, выступали за тесный союз Церкви с государством, укрепление церковной иерархии, внешнюю мощь, каноничность и накопление земных ресурсов. Этот конфликт оказался глубоко политическим, определив всю дальнейшую траекторию развития русской культуры, идеологии и социальной структуры. Победа иосифлянства имела трагические последствия. Возникла традиция сакрализации государственной власти, оправдания насилия ради «блага» и накопления материальных богатств даже за счёт духовной деградации. Авторская мысль особенно остро звучит в том, что именно иосифлянская линия сделала возможным в дальнейшем сталинизм и современный бюрократический авторитаризм. При этом нестяжательство не исчезло. Оно существовало как внутреннее сопротивление официальному курсу, как культурная альтернатива в трудах русских философов (например, А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева), в литературе (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), в жизни старообрядчества и духовного подвижничества. Этот пласт культуры, по мнению авторов, сегодня необходимо не просто вспомнить, а сделать основой новой национальной идеи. На фоне глобального кризиса техногенно-потребительской цивилизации, нестяжательство рассматривается как ценностная альтернатива как западному индивидуализму, так и восточному деспотизму. Оно формирует духовный ориентир ноосферного уклада, где личность не потребляет, а служит; где власть не доминирует, а хранит; где богатство измеряется не деньгами, а духовной глубиной и нравственной зрелостью. Авторы выступают с резкой критикой современных проявлений стяжательства в российской и мировой жизни от коррупции и бюрократического

произвола до тотального потребительства и демонстративной роскоши. Особенно болезненно описано моральное разложение постсоветской эпохи, где идеалы были заменены рынком, а культура – шоу-бизнесом. Тем не менее, в финале главы звучит не уныние, а надежда. Россия, считают авторы, способна стать духовным катализатором мировой трансформации, если сама вернётся к своим подлинным истокам. Это возвращение невозможно без переосмысления нестяжательства как системы координат, в которой важны любовь, соборность, жертвенность, отказ от насилия и духовная ответственность за всё живое.

Вывод

Книга «Россия в средокрестии пространств и времен» представляет собой не просто научное исследование, но масштабную попытку переосмысления цивилизационного кода России в контексте глобальных исторических сдвигов. Авторы демонстрируют глубокую философскую и культурологическую рефлексию, предлагая целостную концепцию, в которой Россия предстает как духовно-историческое пространство, способное синтезировать противоположные цивилизационные импульсы и предложить миру альтернативный путь развития. Актуальность затронутых проблем, начиная кризисом модерности и политическим представительством, заканчивая поиском новых духовных ориентиров, делает это исследование особенно значимым в современных условиях. Привлечение таких понятий, как нестяжательство, соборность, ноосферность и «Русский мир» в их глубинном, а не политизированном понимании, позволяет говорить о книге как об интеллектуальном манифесте новой культурной и цивилизационной парадигмы. Рецензируемая работа заслуживает внимания широкой академической аудитории (философов, историков, политологов, культурологов), а также всех, кто неравнодушен к судьбе России и её месту в мире XXI века.

Библиографический список

1. Капканщиков, С. Г. Гибридная война против России как закономерность развертывания вековых циклов гегемонии и ее инструментальное обеспечение (часть 3) [Текст] / С. Г. Капканщиков // Международная экономика. – 2025. – Т. 22, № 4. – С. 272–288. – DOI 10.33920/vne-04-2504-01.
2. Виноградов, И. А. Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие и Народность [Текст] / И. А. Виноградов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – С. 83–91.
3. Сущенко, В. А. Истоки и грани антипатриотизма [Текст] / В. А. Сущенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2005. – № 1–1. – С. 113–118.
4. Кукоева, А. А. Концепция «всемирной отзывчивости» в «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского в контексте диалога культур и цивилизаций [Текст] / А. А. Кукоева // Литературное обозрение: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 6–8.
5. Оберяева, И. А. Некоторые особенности ведения гибридной войны против России [Текст] / И. А. Оберяева // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2024. – Т. 4 (51). – С. 84–88.
6. Иванов, А. В. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода) [Текст] / А. В. Иванов. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
7. Перевезенцев, С. В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии [Текст] / С. В. Перевезенцев. – Москва: Вече, 2019. – 607 с.
8. Гумилёв, Л. Н. Теория пассионарности и этногенеза [Текст] / Л. Н. Гумилёв. – Москва: Librari «ABSOLUT», 2016. – 934 с.
9. Чураков, Д. О. Войны памяти как инструмент гибридных войн: новации в преподавании истории Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве [Текст] / Д. О. Чураков. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 411–419.

References

1. Kapkanschchikov, S. G. (2025). Hybrid war against Russia as a pattern of the deployment of age-old cycles of hegemony and its instrumental support (part 3). *International economics*, 22(4), 272–288. DOI 10.33920/vne-04-2504-01 [in Russian].
2. Vinogradov, I. A. (2001). Gogol and Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, Nationality. *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, 83–91 [in Russian].
3. Sushchenko, V. A. (2005). The origins and facets of anti-patriotism. *Current problems of the humanities and natural sciences*, 1(1), 113–118 [in Russian].
4. Kukoeva, A. A. (2011). The concept of “universal responsiveness” in F. M. Dostoevsky’s Pushkin Speech in the context of the dialogue of cultures and civilizations. *Literary review: history and modernity*, 1, 6–8 [in Russian].
5. Obertyaeva, I. A. (2024). Some features of conducting a hybrid war against Russia. *Modern problems of the humanities and social sciences*, 4(51), 84–88 [in Russian].
6. Ivanov, A. V. (2025). Russia in the middle of spaces and times (the experience of a synthetic civilizational approach). Barnaul: Novyi format, 303 [in Russian].
7. Perevezentsev, S. V. (2019). Russian meanings: The spiritual and political teachings of Russia in the 10th–17th centuries in their historical development. Moscow: Veche, 607 [in Russian].
8. Gumilyov, L. N. (2016). Theory of passionarity and ethnogenesis. Moscow: Librari “ABSOLUT”, 934 [in Russian].
9. Churakov, D. O. (2020). Memory wars as a tool for hybrid wars: innovations in teaching the history of the Great Patriotic War in the post-Soviet space. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 411–419 [in Russian].